

Количество городов, обозначенных на географическом атласе мира, неисчислимо – даже статистика тут не поможет. Но это только те, про которые мы знаем. А знаем далеко не обо всех и далеко не всё. Ведь у каждого свой город – индивидуальный и неповторимый. Петербург Мандельштама, Пастернака, Бродского, Достоевского совершенно не похожи друг на друга. Они – дети разных родителей.

Вот и поэт Роман Смирнов, рождённый в Электростали, подарил читателю свой город, ставший естественным продолжением его лирического героя. У этого города – особый характер и особая система координат. Он опоэтизирован и одухотворён, наделён внутренней жизнью, на первый взгляд незаметной для окружающих. Лёгкий налёт провинциальности, присущий всем маленьким городам, придаёт ему особое обаяние, создаёт атмосферу лёгкости и простоты, приглашая к диалогу.

И это диалог не только с читателем. В художественном пространстве книги, как я уже отмечала в одной из рецензий, «как минимум, два лирических персонажа – это сам автор и его идеальная проекция». Эти двое постоянно полемизируют, усложняя жизнь своему создателю, в котором попеременно побеждают то простой обыватель, корнями вросший в свою малую родину, то по-хорошему амбициозный творец, стремящийся выйти за пределы ограниченного пространства. Отсюда столь противоречивые настроения книги: тут и провинциальная робость, и неожиданная дерзость, и привязанность к быту, и неожиданный полёт фантазии. Ощущения автора меняются – и город меняется вместе с ними. В сущности, это даже и не город, а маленькая вселенная, универсум, в котором каждый объект и каждая вещь наделены особым смыслом. Поскольку центральной осью, приводящей в равновесие всё это хрупкое мироздание, и главной точкой отсчёта становится сам лирический герой. Ему совсем не обязательно совершать географическое перемещение, чтобы выйти за пределы слегка уже наскучившего, однообразного городского пейзажа. Достаточно заглянуть «по ту сторону» очевидного, по-конфуциански превратив любую бытовую подробность в наделённое значение действие, сделав внешне непритязательный объект порталом в иную реальность. Склонность к алхимическому преобразованию физики в метафизику превращает автора в настоящего романтика «мелкотемья». Поэтический метаурбанизм – ведущая стилевая черта книги и одновременно её визитная карточка:

*Палят над городом клубы
из восклицательной трубы.
Они всегда такого цвета,
ну, кровь с прокушенной губы.*

*А я по городу иду.
Моя среда вошла в среду,
когда до пятницы читашь,
что написали на роду.*

«Среда, вошедшая в среду» – идеальный образ органического сосуществования автора и его постоянного окружения. Высокие притязания человека, наделённого особым талантом, испытывающего каждодневную, потребность «чаще запрокидывать голову и при этом не закрывать глаза», не равнозначны здесь снобистскому презрению к бытовому и повседневному. Здесь нет и намёка на традиционную оппозицию «столица-провинция». Напротив, герой Смирнова крайне внимателен ко всему, что его окружает. Он не сосредоточен на самом себе – ему интересно в подробностях и деталях, с пылливостью репортёра изучать текущую хронику дней. Отсюда фактографичность, объективность, даже некоторая маргинальность авторского стиля. В его поэтический объектив попадают и парковая лавочка (один из центральных образов-маячков книги), и прохожие, спящие вдоль платформы «Серп и Молот», и птички, которые над головой «гадят и гадят», и незатейливая история соседа Вовки, которому за жалобный рассказ не грех и на водку дать:

*...был профиль – и гордость и слава,
И волосы – львиная грива,
А ныне хоть слева, хоть справа,
Плешивенько как-то и криво...
<...>
Так слушал соседа я Вовку,
и плакал он сквозь глаукому.
Добавил ему я на водку.
А как отказать? No comment...*

Возможно, другим искателям новых ощущений и нужно осваивать новые страны, покорять пространство больших городов, но здесь иной случай. У поэта достаточно внутренних, духовных резервов для того, чтобы ощущать себя счастливым в границах малой родины, совершать каждодневное путешествие, не сходя с привычного места и даже не выходя из дома: можно спокойно помечтать о чём-нибудь в кресле, даже написать о нём оду – при этом как бы невзначай, мимоходом, «вытащить наружу пришедшую во сне строку», не покалечив её об иное измерение. Стоит ли убивать время и силы на дальность расстояния, если можно следовать простому принципу: omnia mea mecum porte (всё своё ношу с собой).

Привычная для Романа Смирнова атмосфера жизни, общения, повседневного бытования не убивает и не калечит душу – она преобразуется в нечто иное и становится формой самоидентификации. Провинциальный город в его повседневных реалиях – естественное продолжение самого лирического героя. Лиши его этих привязок – и духовная опора рухнет, поэтическая сила иссякнет. Но всё же речь идёт даже не о конкретной географической локализации – речь об особом взгляде. Взаимоотношения поэта с миром выстраиваются в особой плоскости: это не профанная горизонталь, а духовная вертикаль, поступательное движение не вперёд, а вглубь, в область непостижимого, которое «всегда непощадимо и не ново».

Это отражено и в композиции книги. От деталей, частных, бытовой конкретики и повседневной рефлексии движение мысли осуществляется в сторону глобального, общекультурного: туда, где поэту, возможно, уже отведены иное место и иная роль. Здесь уже границы пространства и времени расширяются настолько, что утрачивают всякое значение и смысл. Здесь спокойно, с пастернаковским размахом, ведётся диалог о вечном:

*О это лето – влёт, по-жеребьячи –
когда впервые от восторга слёг,
в грудном бреду, в беспамятстве, рыбача
у вечных вод выжывая слог,
нет, не забыть. Печатью узнавань.
Широким шрамом, меткой на груди
предназначенье, знаково, заранее:
о кляксах зим, о святках, но гуди!*

А в сущности, что есть настоящий поэт? Выражаясь словами самого Романа Смирнова, «хорда от маргинального до сакрального», путь «от чернозёма к двери небосвода». Потому что нельзя пренебречь земным во имя небесного: они неразрывно связаны и находятся на противоположных сторонах одной звенящей струны. И тем звонче эта струна, чем зорче взгляд по отношению к тому, что рядом, в непосредственной близости от тебя. К тому, что «крутится, вертится, гуглится», живёт и рождает особенных людей – мальчиков с футлярами, неравнодушных ко всему на свете:

*Мир крутится, вертится, гуглится,
и прячутся в «лайки» эмоции,
но... мальчик идёт по улице.
Мальчик будущий Моцарт.*

<...>

*Я помню «...земля ещё вертится...»
и капли «датские». Дафом ли?
Спрошу. Мне никто не ответит за...
но... мальчики ходят с футлярами.*